

— Семьдесят? Не может быть!

— Зиновий Ефимович! Куда ты лезешь? Тебе почти семьдесят лет! Я боюсь за тебя!
— Нахал! Здесь дамы. Что за бестактность! Эта перепалка произошла на съемках телеспектакля «Фауст», в котором Зиновий Ефимович исполняет роль Мефистофеля.

А лез почтенный артист на самый верх декораций, чтобы там, сидючи, как на насесте, на самом верху деревянной стенки, сколоченной из планок, спеть, обращаясь к находящейся внизу толпе, заключительный куплет из гетевской баллады «Крысолов»...

Все покоряются сердца
Искусству дивного певца...

Это был трудный день, и в первую очередь для Гердта.

Фонограмму музыки наш композитор принес только утром. А с четырех дня началась съемка этого эпизода. Гердту предстояло выучить красивую, но чрезвычайно непростую мелодию и тут же записать под фонограмму чистовой вариант. Все это мне, режиссеру спектакля, представлялось абсолютно нереальным. Однако Гердт выучил, осмыслил и спел несколько раз, чтобы у нас была возможность выбрать нужный вариант. А затем в тот же день произошел описанный выше эпизод, когда Зиновий Ефимович в буквальном смысле полез на стенку. «Что за человек! — думал я. — Откуда у него силы, энергия? Какое виртуозное мастерство!»

Строчки стихов Бориса Пастернака, которого Гердт так любит и часто читает с эстрады на своих сольных концертах, «цель творчества — самоотдача...» — для артиста не красивая фраза, а выстраданный смысл жизни.

Писать о Зиновии Ефимовиче Гердте и чрезвычайно легко, и столь же трудно. Трудно, потому что о нем много и хорошо написано людьми, знавшими его еще с довоенной поры. Гердту посвящены стихи поэтов-фронтовиков Д. Самойлова, В. Окунджаву. И не только потому, что Гердт сам фронтовик. Хотя последнее обстоятельство для людей моего поколения, которых война коснулась лишь косвенно, необыкновенно важно. Все они, прошедшие Великую Отечественную, люди особые.

Зиновий Гердт, до войны артист ТРАМа и один из участников знаменитой арбузовской студии, ушел на фронт добровольцем. Сразу. Решительно. Гвардии-лейтенант саперной роты, он был тяжело ранен в 1943 году. Писатель, драматург Михаил Львовский в небольшой, но прекрасной книге о Гердте тонко и точно проанализировал жизненную и творческую судьбу Зиновия Ефимовича — от заводского голоса в кино до экранной славы знаменитого артиста. И в театре тоже. Сначала в Театре кукол мы, добавим, и весь мир только слышали Гердта, и лишь потом увидели

его на сцене «Современника» воочию. Теперь кажется, что иначе быть и не могло!

Подумаешь, хромота! Эка беда, что в нем не два метра роста! Какое все это имеет значение по сравнению с талантом, умом, юмором, музыкальностью и прочими, прочими, теперь уже для всех ясными достоинствами Зиновия Ефимовича... Но ведь это теперь, спустя годы, когда Гердта многие воспринимают как красивого человека.

И, конечно же, я был бестактен, когда при дамах, участницах массовой сцены «Фауста», напомнил Гердту о том, о чем мне даже из лучших побуждений напоминать не следовало. За что и получил в ответ «нахал».

Но это теперь. А вот Ролан Быков первый рискнул снять Гердта в кино. Петр Тодоровский первый поручил Гердту главную роль в своем фильме по сценарию Володина.

Михаил Швейцер, доверив роль в «Золотом теленке», дал З. Е. Гердту возможность вернуться во всем блеске комедийного дарования!

Затем Гердта стали буквально рвать на части.

Собственно, и до этого Гердт никогда не скучал. Он никогда не знал простое, на которые так любят жаловаться артисты. Если работа не находила его, он сам находил работу.

Что ж, кукольный театр, так кукольный театр! Гердт доказал всей практикой своей жизни, что не бывает ни главных искусств, ни низких жанров, ни маленьких ролей. Его конференсье из «Необыкновенного концерта» говорил на языках всех стран, где побывал знаменитый спектакль С. Образцова. А маршруты театра известны — от Японии до США. Конференсье Гердта смачно острил на французском и немецком, импровизировал на тему дня на арабском и финском, отпускал шутки по поводу только что вышедших на экраны Египта и Испании кинобоевиков.

Дар импровизации — мощатанство в искусстве. Но это всегда результат труда, просвещенности, интеллигентности художника. Не в Москве — в Одессе я в качестве зрителя потихоньку от гастролера пришел на рядовой, как я полагал, творческий вечер З. Е. Гердта. Какой там рядовой, очередной! В переполненном зале технологического института состоялся праздник, который устроил Зиновий Гердт. Размышления о жизни, о профессии, о друзьях,

о коллегах и, конечно же, стихи, стихи, стихи...

Рассказы о Твардовском и Пастернаке, и тут же стихотворения обоих поэтов.

Воспоминания о предвоенной поре, о дружбе арбузовской студии со студентами Литинститута, и Гердт читает Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Давида Самойлова:

И конечно же, конечно, возникает тема войны, не может не возникнуть. Нет! Он ни слова не говорит о себе, об испытаниях, выпавших на его долю. Заметим, что он даже в многочисленных газетных интервью избегает этих разговоров, и все же война незримо тут, с ним, на этом радостном, полном юмора творческом вечере в Одесском технологическом присутствует...

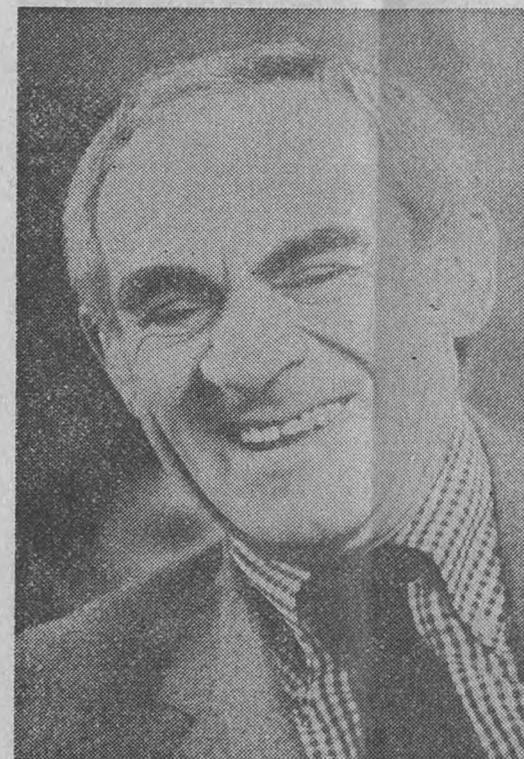
Запискам с вопросами и просьбами прочесть, рассказать нет конца. Вечер длится уже два часа без антракта, и ни один из зрителей не покинул зал. «Про Окунджаву? Это замечательно! — смеется Гердт. — Знаете, однажды, в одну из суббот, в Ленинграде нам с Булатом Шалвовичем некуда было торопиться. Впрочем, он рассказал об этом много лучше меня, да еще в стихах». И Гердт читает, казалось бы, шуточные стихи, но есть там, впрочем, и такие строки:

Уже готовит старость
Свой неперенный суд.
А много ль нам досталось
За жизнь таких минут!..

Этот вечер Гердта, как и любой его «рядовой» вечер, будь то в Москве или Костроме, мог бы длиться бесконечно. Ему есть что рассказать людям. Он личность. И этим все сказано. Это неоспоримо.

Он работает очень много, но не мелькает, не суетится. Он знает, что слово «выбор» определяет судьбу. Это не значит, что Гердт не влипает, как, впрочем, каждый из нас, в плохую картину или телепередачу. Разумеется, и у него были работы более значительные и менее значительные, проходные и не слишком удачные. И он потом казнится, стыдится их, как всякий совестливый актер.

Но в главном он свой выбор сделал, и сделал его давно. Творческий процесс, если он подлинно творческий, для него важнее результата. «Но поражение от победы ты сам не должен отличать, и должен... ни единой долькой...» И Гердт не отстает от лица. Его

лицу верят зрители и любят его необщее выражение.

Стихи Гердт читает не просто замечательно, он читает их, как дышит, потому что живет стихом.

Он и сам умеет сочинять, но поэтом себя не считает. Хотя зарифмовал десятки строк шуточных, пародийных, я уж не говорю о закадровой прозе, о пьесах, сочиненных в соавторстве, и прочем... Он, насколько я знаю, даже не член Литфонда, хотя, согласитесь, мог бы... Оттого ни в толстом, ни в тонком журнале вы не прочтете — Зиновий Гердт. Из лирики. Что это — преувеличенная скромность? Самоуничтожение, которое паче гордости? Нет, Гердт просто-напросто слишком хорошо знает, что такое настоящая поэзия. Недаром он читает с эстрады пушкинское «Из Пиндемонти», знает наизусть десятки

стихов, которые ни разу не вынес на эстраду, не прочел по радио, не записал на телевидении.

Поразительно, как у этого человека на все хватает времени!

«Ты что, не читал еще «Карьер» Василия Быкова?! Позор! Ну, а новый роман Айтматова, надеюсь, читаешь? Ну, слава богу».

Нет, Зиновий Ефимович не келейный затворник, он вполне светский человек. Его можно увидеть на премьерах в Доме кино и в театрах, в консерватории и на праздновании чужого юбилея, разумеется, в том случае, если юбиляр ему чем-то интересен.

Выбор. Подготовленность к решению выбранной задачи. Почему Зиновий Ефимович Гердт за 29 съемочных дней сумел сыграть, спеть главную роль Мефистофеля, роль в стихах, в двухсерийном телеспектакле, длиной в два с лишним часа экранного времени? Он был готов к решению этой задачи всей предыдущей жизнью. Гердту семьдесят лет. Не может быть! Мы снимали эпизод «Кухня Веды» из «Фауста», задыхаясь от пиротехнического дыма. Мы вообще задохнулись от этого дыма все 29 съемочных дней в маленькой студии на Шаболовке. Дым был нам необходим как воздух, не меньше чем воздух. Дело в том, что бедность оформления (учебная программа не предусматривает постановочных средств!) нужно было чем-то замаскировать. И тогда приходила на помощь вся наша коллективная фантазия — художника, оператора, и первыми помощниками были пиротехник и его дым.

Мефистофелю — Гердту пришлось сниматься с животными — две обезьяны и петух.

К середине смены обезьяны сникли, а петух не выдержал удущья и упал в обморок. По счастью, у петуха был «дублер» — другой петух. Гердта дублер не страховал, Зиновий Гердт у нас один.

Я подошел к нему: «Зяма! Смотри, а ты живой!»

Ликуй, мой друг сердечный,
Сдаваться не спеши,
Пока течет он грешный
Неспешный пир души...

Михаил КОЗАКОВ.

Фото К. Кокошкина.